

М.А.Рябова и А. Л. Бурман

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ВЗГЛЯД НА МАСКУЛИННОСТЬ И ИССЛЕДОВАНИЯ МУЖЧИН

Аннотация

Исследования мужчин и маскулинностей — относительно автономная сфера гендерных исследований. Некоторые авторы называют данное направление «мужскими исследованиями» (men's studies) по аналогии с «женскими исследованиями». Однако большинство считает, что такая симметрия вводит в заблуждение, поскольку «женские исследования» — это проект познания субординированной группы. Более подходящим названием признается «исследования мужчин и маскулинностей» или «критические исследования мужчин». Авторы стремятся показать, что эти исследования вдохновлены феминистскими исследованиями женщин, но не являются просто параллельными им.

Ключевые слова: маскулинность, мужчины, гендер

A LOOK AT MASCULINITY AND THE STUDY OF MEN

27

Abstract

Studies of men and masculinity are a relatively autonomous field of gender studies. Some authors call this area “men’s studies” by analogy with “women’s studies.” However, the majority believes that such symmetry is misleading, since “women’s research” is a project for knowing a subordinated group. The more appropriate name is “studies of men and masculinity” or “critical studies of men.” The authors seek to show that these studies are inspired by feminist studies of women, but are not simply parallel to them.

Keywords: masculinity, men, gender

Введение

Коннелл определяет маскулинность как позицию в гендерных отношениях, практики, которые используются мужчинами и женщинами для занятия и удержания этой позиции, и эффекты, которые оказывают такие практики на телесный опыт, личность и культуру (Connell 2005 [1995]: 71). Женщины как категория присутствуют в данном определении, поскольку маскулинность не всегда определяется по отношению к фемининности и противопоставляется ей, но и предполагает определенные иерархические отношения между мужчинами и женщинами. В русском языке существует соответствие слову «маскулинность» — «мужественность», однако оно скорее отсылает к черте характера, поэтому здесь мы, вслед за И. Коном, в основном используем термин «маскулинность» (Кон 2009b).

Общественные движения, проблематизирующие предписания мужского поведения, возникли первоначально в контексте мобилизации новых левых и контркультурных инициатив. Такие движения ставили перед собой задачу эмансипации от узких традиционалистских трактовок мужской роли, боролись против такого варианта сексизма, как дискриминация и эксплуатация мужчин в условиях патриархата. В 1970-е гг., вторя аналогичным феминистским инициативам, возникают группы роста сознания мужчин. В центре внимания исследователей и активистов — дискриминация мужчин, и прежде всего нарушение прав отцов после развода. В ряде случаев права мужчин и женщин противопоставляются. Некоторые

группы мужчин выступают против права женщин на аборт и пр. (Carrigan, Connell, Lee 1985: 569, 573–575).

Исследования маскулинности активно развиваются с 1980-х гг. под влиянием женских и феминистских исследований, мужских движений, а также развития теоретического направления социального конструктивизма. Последние декады XX в. стали свидетелями изменений нормативных моделей и поведенческих паттернов маскулинности. Анализируя эти изменения, исследователи связывают их с тремя группами обстоятельств: изменением социального положения женщин (женщины все более вовлекаются в сферу оплачиваемой занятости); постепенным включением экспрессивных компонентов в мужскую роль (мужчины все более вовлекаются в заботу); развитием мужских движений и движений геев.

Дальнейшие исследования мужчин связаны с признанием того, что маскулинности социально конструируются, производятся и воспроизводятся; они рассматриваются как изменчивые во времени и пространстве, в разных обществах, ситуациях и стадиях жизненного курса. Исследователи подчеркивают, что отношения между мужчинами характеризуются гендерной властью, а гендер пересекается с другими социальными характеристиками (Connell, Hearn, Kimmel 2005: 3).

Большое влияние на переосмысление маскулинности оказало гей-движение, которое поставило под сомнение тезис о само собой разумеющейся гетеросексуальной норме. Дихотомия гетеро/гомосексуальности становится центральным символом ранжирования типов маскулинности. В этой логике возникает важный концепт «гегемонной маскулинности», который дает возможность осмыслить вариативность моделей мужского поведения; субординацию и угнетение патриархатом определенных категорий мужчин. Исследователи обращают внимание на различия между идентичностью и повседневными действиями, изменяется и интерпретация гомосексуальности (Carrigan, Connell, Lee 1985: 586–587).

Исследования мужчин и маскулинностей: общие положения

Социальные исследования мужского поведения начались задолго до становления отдельного направления, с 1920-х гг. (Carrigan, Connell, Lee 1985).

Особые группы мальчиков и мужчин попадали в фокус исследований, когда их поведение оценивалось как «социальная проблема». Так, девиантное поведение подростков (особенно мужского пола) социологи объясняли феноменом «отсутствующего отца». Такая модель мужского родительства предполагает редкое и фрагментарное присутствие отца в семье, вызванное его погруженностью в сферу оплачиваемого труда, удаленную от домохозяйства (см., напр.: Thrasher 1927, Whyte 1943). Позднее для исследований мужчин стали значимыми положения Толкотта Парсонса о половом разделении инструментальных и экспрессивных ролей, теории социализации и психоаналитические представления об усвоении ролей и формировании личности.

Под влиянием феминизма в 1970-е гг. в США исследования мужских ролей получают широкое распространение. Чтобы проиллюстрировать контекст 1970-х гг., когда мужчины осваивали феминистскую теорию, приведем пример, описанный известным американским социологом, исследователем маскулинности Майклом Месснером. В 1970-х гг., обучаясь в университете и слушая курс по «социальному неравенству», Майкл был поражен тем, что в США, стране равных возможностей, женщины получают на одну треть меньше, чем мужчины, за ту же работу. Он написал эссе, в котором анализировал причины гендерного неравенства, развивал идеи женского равноправия, и получил высокую оценку. Он воспринимал мужские институциональные привилегии как само собой разумеющееся явление. Именно институциональные условия гендерного неравенства впоследствии оказываются в центре критических исследований мужчин и маскулинностей (Messner 1997: 3–4).

Исследования мужчин развиваются на фоне критики полоролевой парадигмы. Социологи отказываются от языка описания, присущего ролевой теории, утверждая, что категория «мужская роль» является аналитически слабой и неэвристичной, не учитывает сложность и разнообразие гендерных отношений. Вместо этого они выдвигают тезис об иерархии разнообразных паттернов маскулинности — нормативных моделей и конфигураций практики (Carrigan, Connell, Lee 1985). Речь идет уже не о маскулинности, но о маскулинностях. Многообразие образов маскулинности подтверждают, в частности, этнографические данные, показывающие существенные различия гомосексуальных практик, с одной стороны, и доминирующих — с другой (см., напр.: Гилмор 2005). В некоторых контекстах

гомосексуальные практики признаются обычным способом поддержания маскулинности, а в других — несовместимыми с той, которая считается «подлинной». На интерпретацию маскулинности существенное влияние оказывает принадлежность к этнической группе и классу. Существуют маскулинности белых и черных, рабочего и среднего класса и пр. Различия обнаруживаются не только между разными контекстами, но и внутри одного — в школе, на рабочем месте, в сообществе могут существовать разные способы обучения тому, что значит быть мужчиной, как должно действовать мужское тело.

В 1980-е гг. в фокус исследований попадают разделение труда и отношения власти. Критические гендерные исследования мужчин и маскулинностей показывают, что мужчины в целом получают преимущества от субординации женщин, хотя в конкретных ситуациях женщины могут иметь большую или равную власть, например, в домохозяйстве. Признается то, что существуют разные маскулинности, и они также находятся в отношениях субординации, пересекаясь с классовыми и расовыми отношениями. Формы маскулинностей и их взаимодействия в исторической перспективе — это результат коллективной деятельности производства социальных групп и идентичностей, а не биологических особенностей (Carrigan, Connell, Lee 1985).

Институционализация исследований мужчин сопровождается формированием собственного поля периодических изданий. Англоязычные журналы *Men and Masculinities* («Мужчины и маскулинности»), *Journal of Men's Studies* («Журнал мужских исследований»), *International Journal of Men's health* («Международный журнал мужского здоровья») являются заметными маркерами институционализации этого направления исследований. Большинство из них доступны в электронных базах данных.

В целом исследования маскулинности в 2000-е гг. характеризуются следующими чертами (Connell 2005 [1995]; Holter 2005; Hearn, Kimmel 2006):

-Они составляют интегральную часть критически ориентированных гендерных исследований, объектом их изучения являются практики и культурные паттерны маскулинного поведения;

- Маскулинность рассматривается как эксплицитно гендерно маркированный феномен, который является продуктом и условием социального конструирования, производится и воспроизводится социально-культурными механизмами.

-Критикуются нормативные представления о единственно правильной универсальной биологически и/или культурно заданной модели маскулинности. Исследователи исходят из признания разнообразия паттернов мужественности, которые изменяются во времени (история) и пространстве (культура), в ходе жизненного цикла индивида, в биографиях отдельных мужчин, маркируются социальными средами и этническими группами.

-Подчеркивается связь отношений власти и моделей маскулинности; маскулинность как гендерная категория рассматривается в контексте пересечения с другими социальными характеристиками мужчин, такими как классовая, расовая или этническая принадлежность, сексуальность (Hearn, Kimmel 2006: 57, 65).

Гегемонная маскулинность

Социологи начали использовать понятие «гегемонная маскулинность» в начале 1980-х гг. (Connell 1983, 1982). Первое систематизированное описание «гегемонной маскулинности» приводится в статье Карригана, Коннела и Ли «Развивая новую социологию маскулинности» (Towards a New Sociology of Masculinity) (Carrigan, Connell, Lee 1985: 591–592). Гегемонная маскулинность представляет собой механизм функционирования патриархата, который гарантирует легитимность подчиненного положения женщин (Connell 2005 [1995]: 77; см. также: Бёрд 2008: 19).

Ключевым в данном понятии является термин «гегемония». Вслед за философами-неомарксистами Антонио Грамши и Луи Альтюссером авторы используют это понятие для обозначения символического идеологического господства, которое находит выражение в культуре, в повседневной жизни и практиках взаимодействия (Connell 1987: 184). Данный термин используется, чтобы подчеркнуть критическое отношение исследователей к патриархатной маскулинности и предписанным обществом мужским ролям. Символическое господство — престиж определенных паттернов мужественности — закрепляется в

идеологии, в религиозных доктринах, практиках первичной и вторичной социализации, культурных репрезентациях, на уровне субъективной идентичности. Эти образцы воспроизводятся в продукции СМИ, структуре заработной платы, дизайне жилища, политике налогообложения и пр. Основная характеристика гегемонии — консенсус в отношении господства.

Гегемонная позиция приносит мужчинам выгоды, которые Коннелл называет «патриархатными дивидендами» (Connell 2005 [1995]: 82). Эти дивиденды, или преимущества, встроены во властные и статусные позиции, занимаемые успешными мужчинами, и поддерживаются структурным экономическим неравенством между мужчинами и женщинами (Connell 2000: 25). Мужчины заинтересованы в сохранении существующих гендерных границ, которые воспроизводят их экономическую и политическую власть и более высокий статус относительно женщин в целом (Бёрд 2008: 20).

Гегемонная маскулинность постоянно должна себя подтверждать и воспроизводить символически, поскольку в современном обществе она вызывает сопротивление субординированных групп (Carrigan, Connell, Lee 1985: 598).

Иерархия маскулинностей

Наличие разных маскулинностей не означает то, что они являются равными, напротив, в исследованиях подчеркиваются иерархические отношения, когда некоторые маскулинности доминируют, а другие субординированы или маргинализированы (Connell 2000: 10–11). Гендерные отношения — это отношения доминирования и субординации. Гегемонная маскулинность работает как механизм исключения. Отношения власти выражены в первую очередь в отношениях гетеро- и гомосексуальных мужчин. В современной Америке и Европе доминируют гетеросексуальные мужчины, а гомосексуальные — субординированы, и это касается не только стигматизации, но и материальных практик. Субординированные группы оказываются политически и культурно исключенными, против них часто направлены насильственные и оскорбительные действия (заметим, что в некоторых обществах ситуация меняется, однако в других она остается прежней). В патриархальной структуре именно гомосексуалы исключаются из гегемонной маскулинности, при этом их наделяют некоторыми качествами фемининности.

Однако это не единственная маскулинность, которая субординирована. Некоторые мужчины и мальчики, обозначаемые уничижительными оборотами речи, такими как «девчонка», «баба», «плакса», «слабак», «сосунок», «маменькин сынок» — здесь заметны символические отсылки к женственности, — также исключаются из гегемонии. Такие лейблы призваны оскорбить адресата, определить его действия и занимаемую им позицию в обществе как неподобающую, не соответствующую стандартам правильного мужского поведения. В таких стратегиях вербального снижения статуса язык гендерной власти пользуется двумя дискурсивными приемами. Первый прием заключается в приписывании такому неполноценному мужчине женских черт и сигнификации его зависимости от женщин. Второй прием описывает отклонение от нормы мужественности через референцию к гомосексуальности.

Такая маскулинность формируется в тех социальных слоях, которые занимают низкие позиции на социальной лестнице. Среди них — представители рабочего класса, маргинализированные этнические группы и локальные сообщества, т. е. те категории мужчин, для которых характерна нехватка ресурсов и власти в контексте ее глобального распределения (Connell, Messerschmidt 2005: 847–848). Данные типы отношений, гегемонии, доминации/субординции, с одной стороны, и маргинализации, с другой, создают рамку для анализа особых групп маскулинностей. Коннелл подчеркивает, что гегемонная и маргинализированные маскулинности являются не фиксированными типами, а конфигурацией практик, порождаемых в определенных ситуациях и структурах (Connell 2005 [1995]: 76–81). В понятие маскулинности, предполагающее иерархию «настоящих» и всех остальных мужчин, которые не соответствуют критериям гегемонной нормы, заложена «несостоятельность», или «несостоявшаяся маскулинность» (failed), которая будет рассмотрена далее.

Критика понятия «гегемонная маскулинность»

Концепты маскулинности приобретают разные смыслы в различных контекстах. Неолиберальные и неоконсервативные идеологии актуализируют свойственные им гендерные модели. Религия, этноцентризм, призывы к безопасности оказывают влияние на идеалы маскулинности. Процессы глобализации

делают открытыми локальные гендерные порядки для внешнего влияния, давления и трансформации. Формируются новые коалиции мужчин и возникают попытки установить новые гегемонии (Connell, Messerschmidt 2005).

Таким образом, критики отмечают ригидность типологии, разрывы между культурным уровнем репрезентаций и реально проживаемым опытом мужчин, сложности операционализации понятия, недостаточную чувствительность контекстуальных институциональных факторов и факторов изменений, преувеличение целостности и когерентности субъекта, способного осуществлять стратегии, а также исключительно негативную окраску и невозможность помыслить позитивную гегемонную маскулинность. В связи с этим они отказываются от использования этого термина и утверждают, что век гегемонной маскулинности уже прошел и изменения современных гендерных отношений не оставили места для патриархатного монолита мужского господства.

Выводы

Маскулинность рассматривается как социально производимая, как конфигурации практик в гендерных отношениях, это структура, которая включает институты и взаимодействия лицом к лицу. Исследователи показывают, что существуют иерархии и множественные типы маскулинностей. Гегемонная маскулинность рассматривается как механизм реализации господства над женщинами и другими группами мужчин. Гегемония мыслится как идеология и нормативные представления, а также как определенные практики и стратегии, направленные на поддержание доминирующих позиций в определенных институциональных контекстах. Отношения гегемонии/доминации, субординации и маргинализации — это отношения неравенства между разными группами мужчин. В современных обществах изменяется положение мужчин, многие из которых утрачивают привилегии. Невозможность следовать устоявшимся нормативным предписаниям приводит к неудовлетворенности. Утрата гегемонии патриархатной модели маскулинности называется кризисом маскулинности. Многие современные мужчины отвергают нормы и практики, согласно которым их единственная или первичная роль — это роль добытчика. Формируется новая модель, которая предполагает заботу, активное отцовство и пр., однако такая модель не является

устойчивой и когерентной. Тенденции изменения отцовства наблюдаются и в России. Среди новых тенденций последней трети XX в., которые связаны с изменением положения мужчин в обществе и ослаблением гегемонии, — мужские движения. Среди них выделяют феминистские, антифеминистские и не идентифицирующие себя через феминизм. В российском контексте кризис маскулинности позднесоветского общества связывается с невозможностью исполнения традиционных мужских ролей и ограничением либеральных прав. Гегемонная маскулинность 1990-х гг. предполагает высокий профессиональный статус, материальное благополучие и престижное потребление, готовность использовать физическое насилие. Границы между гегемонными и субординированными группами в 2000-е гг. становятся размытыми из-за неустойчивости и нехватки легитимности модели гегемонной маскулинности.

Литература

Бёрд Ш. 2008. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Наслаждение быть мужчиной: западные теории и постсоветские практики / под ред. Ш. Бёрд и С. Жеребкина. СПб.: Алетейя,

Здравомыслова Е., Тёмкина А. 2002. «Кризис маскулинности» в позднесоветском дискурсе // Ушакин С. (сост.) О муже(N)ственности. М.: НЛО, С. 432–451.

Кон И. 2009 Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, (http://www.e-reading.link/bookreader.php/104262/Kon_-_Muzhchina_v_menyayushchemsya_mire.html; 10.03.2015).

Тартаковская И. 2010. Смертельная ноша маскулинности // Демоскоп Weekly. № 425–426 (<http://demoscope.ru/weekly/2010/0425/analit02.php>; 10.03.2009).

Carrigan T., 1985. Connell R., Lee J. Toward a new sociology of masculinity // Theory and Society. N 14 (5). P. 551–604.

Connell R. 1995. Masculinities. Cambridge: Polity Press; Sydney, Allen & Unwin; Berkeley, Univ. of California Press.

Connell R., Messerschmidt J. 2005. Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept // Gender & Society. Vol. 19. N 6. P. 829–859.

Messner M. 1997. Politics of Masculinities: Men in Movements. Thousand Oaks, CA: Sage.